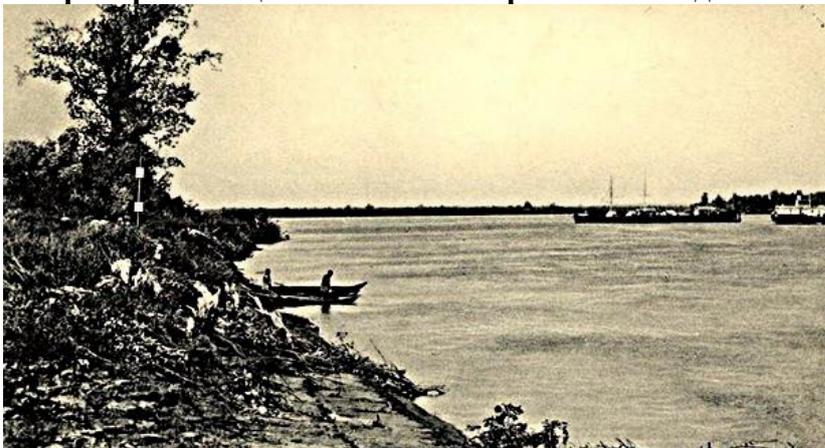

СЕРИЯ 9 . ИУДИН ГРЕХ

СЦЕНА 1. ОМСК. БЕРЕГ ИРТЫША.

Через три месяца – начало октября 1919-го года.

Омск. Берег Иртыша.

На берегу реки, покусывая соломинку, сидит Фёдор Архангельский. Невидящими глазами он уставился на реку, вспоминая последнюю встречу с Софией.

Воспроизводится фрагмент 22-й сцены 4-й серии:

Вечер. Тёмная баня, свет едва пробивается. На полу набросаны охапки сена. На спинах лежат СОФЬЯ и ФЁДОР.

СОФЬЯ (задумчиво, кусая соломинку). *Петля, сказал... Значит, повесит...*

ФЁДОР. *Смешно! Шли воевать за Россию, а погибнем за петуха...*

СОФЬЯ. *Петух – тоже Россия, студент...*

ГРУБЫЙ МУЖСКОЙ ГОЛОС. *Студент – не студент, а доку́менты покажь.*

Камера снова переносится на берег Иртыша. Фёдор вздрагивает и оборачивается: сзади него стоят ДВА КАЗАКА Семиреченской армии атамана Анненкова. Они одеты в черкески, за спиной висят ярко-красные башлыки, на головах – кубанки; на плечах – винтовки, на поясе – шашки.

ФЁДОР. *В чём дело? Кто вы такие?*

1-й КАЗАК. *Кто да чего – потом спросишь. А теперя доку́менты подавай.*

ФЁДОР (внимая из нагрудного кармана паспорт и протягивая его казаку). *Я сопровождаю епископа Нестора Камчатского, который прибыл к адмиралу Колчаку.*

2-й КАЗАК (подмигивая). *А мы и есть адмиралов конвой.*

1-й КАЗАК (разсматривая паспорт). *Рождения 1898-го. Во! Как раз под мобилизацию. Пойдём!*

ФЁДОР. *Вы не имеете права! Я прибыл к Верховному правителю России!*

2-й КАЗАК (снимая с плеча винтовку). *Ишь, завёл неудовольствие... Иди, говорят! Буде те и верховой, и низовой.*

Казаки уводят Фёдор.

СЦЕНА 2. МОСКОВСКИЙ КРЕМЛЬ. СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ, ТЕЛЕГРАФНАЯ КОМНАТА. Начало октября 1919-го года

В телеграфную комнату врывается ЛЕНИН, быстро проходит к аппарату и почти выхватывает ленту из рук телеграфиста. Следом за Лениным в комнату входит АСТРОНОМ.

ЛЕНИН (читает). *«Мы оставили Орёл...»*
(Кладёт ленту на стол.)

Я так и знал...

АСТРОНОМ (берёт ленту со стола и дочитывает). *«Наши части деморализованы. Белые поворачивают на Тулу. Орджоникидзе».*

ЛЕНИН. *Мы получили неслыханное поражение! Надо эвакуировать Москву.*

Ленин выходит из телеграфной, начинает подниматься по лестнице. Астроном следует за ним.

АСТРОНОМ. *Может быть, всё и не так страшно, Владимир Ильич. Колчака отбили, думаю, и Деникина отобьём...*

ЛЕНИН. *Деникина! Тут ещё и Юденич под Петроградом. Со всех сторон душат, поганцы, за горло схватили.*

АСТРОНОМ. *Владимир Ильич, разрешите мне съездить поближе к Южному фронту, осмотреться на месте.*

ЛЕНИН. *Вы-то один, дорогой Астроном, что можете сделать? Для политического руководства там есть Сталин. Кстати, почему он молчит?..*

АСТРОНОМ. *Ну, Сталин, положим, в Серпухове, а мне хотелось бы посмотреть поближе.*

ЛЕНИН. *Посмотрите, посмотрите. У вас есть какие-нибудь соображения?*

АСТРОНОМ. *Кое-что... Дзержинский переподчинил себе практически всю армейскую разведку и контрразведку. Последней ЧК действительно занимается: ловит врагов революции. А вот разведка в тылу врага практически отсутствует, мы действуем вслепую.*

ЛЕНИН. *А Троцкий куда смотрит?*

АСТРОНОМ. *Не знаю... У меня есть один человек у белых. С ним давно порвалась всякая связь, вот и хочу попытаться восстановить её.*

ЛЕНИН. *Не опасно?*

АСТРОНОМ. *Распутья бояться, так в путь не ходить.*

ЛЕНИН. *Впрочем, если не остановим Деникина, везде будет опасно. Поезжайте, батенька, конечно, поезжайте! Жду вестей.*

Пожимают друг другу руки, расходятся.

СЦЕНА 3. ОМСК. КАБИНЕТ АДМИРАЛА КОЛЧАКА. Начало октября 1919-го года.

Омск. Резиденция адмирала Колчака – дом Батюшкина на Береговой улице.

Налево от входа в кабинет у стены за письменным столом, в большом кресле с резными ручками, изображающими головы сфинксов, сидит АДМИРАЛ КОЛЧАК. Слева от него тоже в кресле расположился ЕПИСКОП НЕСТОР (в руках у него фотография образа «Никола раненого»). Между ними – маленький столик, на котором лежит Евангелие и просфоры.

Верховный правитель России адмирал Александр Васильевич КОЛЧАК (1874–1920) .

Эта фотография адмирала в его омском кабинете – одна из наиболее известных. Однако её почти всегда обрезают по правому краю. На данном же снимке отчётливо виден столик с Евангелием и просфорами.

ЕПИСКОП НЕСТОР. По поручению Священного Собора я составлял книжицу о варварском разстреле Кремля, о святотатстве большевиков. Тогда и сделали фотографический снимок надвратной иконы с Никольской башни. В народе её прозвали «Никола раненый»... А потом было чудо: во время большевицкого празднования, при всех их вождах, полотнище, которым прикрыли икону, лопнуло и разлетелось в клочья.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Да, чудо... Я слышал об этом от одного офицера.

ЕПИСКОП НЕСТОР. Так вот, Святейший Патриарх благословил сделать копии этой фотографии, освятил их.

(Поднимается из кресла и протягивает икону адмиралу.)

Возьмите её, Александр Васильевич, как моральную поддержку того дела, которое вы делаете во благо России. Святейший просил передать его слова: «Скажите народу, что если они не объединятся и не придут в Москву, то мы погибнем и Святая Русь погибнет с нами». Это точные слова Патриарха.

Колчак выходит из-за стола, берёт икону, целует, потом пристально рассматривает её.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Удивительно... Они разрушили в Кремль, и вот – град в левой руке Святителя уничтожен... Но меч-то в правой – сохранился!

ЕПИСКОП НЕСТОР. Вот вы, адмирал, и должны быть этим мечом...

(Слегка улыбаясь.)

Когда я нечто похожее говорил покойному графу Келлеру, он меня поправил: сказал, что он – не меч, а шапка...

АДМИРАЛ КОЛЧАК (тоже улыбаясь). Тогда уж, я – кортик.

(Серьёзно.)

Я знал, что есть меч государства, ланцет хирурга, нож бандита... Но не так давно понял, почувствовал... Самый сильный – меч духовный.

(Ещё раз целует икону.)

Он даст нам силы в крестовом походе против большевицкого насилия.

ЕПИСКОП НЕСТОР. Мы веруем, что наш Бог – Бог сил!

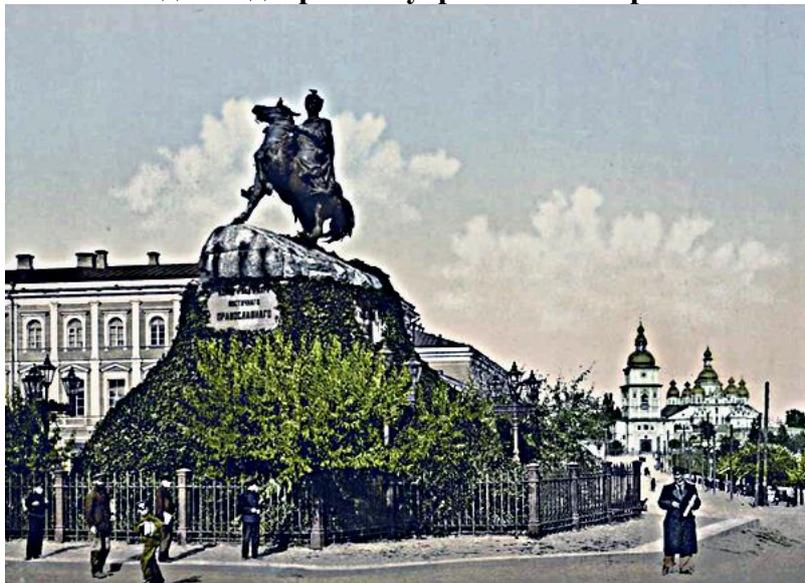
«Никола Раненый».

Эта икона святителя Николая – список с фотографии, переданной Патриархом Тихоном адмиралу Колчаку. В левом углу надпись: «Первой дружинѣ Св. Креста на ратный подвигъ благословеніе отъ Архiep. Сильвестра и Гермогеновскаго религиозно-патриотическаго Братства. 4-17 сент. 1919 г. Омскъ». Дружины Святого Креста – уникальное добровольческое формирования, созданное в армии Колчака по инициативе генерала М.К. Дитерихса. Дружины были одновременно воинскими частями и религиозными братствами. Их целью была защита Православной веры и борьба с большевиками в составе действующей армии. За короткий промежуток времени в дружины Святого Креста вступили более 6 тысяч человек, большинство крестоносцев полегло в боях с большевиками.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Вы упомянули, владыка, о графе Келлере... Вы ведь были тогда в Киеве? Как он погиб?

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Тяжело вспоминать, Александр Васильевич, тяжело...*

СЦЕНА 4. КИЕВ. СОФИЙСКАЯ ПЛОЩАДЬ.
Почти год назад – раннее утро 8-го октября 1918-го года.

Киев. Памятник Богдану Хмельницкому.
 На заднем плане – Михайловский Златоверхий монастырь.

По заснеженному безлюдному Киеву едут трое саней. Сзади плетётся пустая телега. В передних и задних санях сидят СЕЧЕВИКИ Черноморского коша петлюровской армии, на коленях у них лежат австрийские винтовки с примкнутыми плоскими штыками. В средних санях – тоже сечевики во главе с ОФИЦЕРОМ Главной следственной комиссии (в руке у него наган). Там же находятся арестованные ГРАФ КЕЛЛЕР (в большой папаше, шинели с золотыми погонами генерала от кавалерии, шароварах с синими лампасами) и его адъютанты ПОЛКОВНИК ПАНТЕЛЕЕВ и ШТАБС-РОТМИСТР ИВАНОВ.

ОФИЦЕР (вознице). *Зупыны сани!*

Вся процессия останавливается. Сечевики спрыгивают на землю, окружают средние сани.

ОФИЦЕР (арестованным). *Выходь из санэй!*

ПАНТЕЛЕЕВ. *Зачем?*

1-й СЕЧЕВИК. *Выходь! Нащó и куды – розбэрэмося!*

ОФИЦЕР. *Идить вперэд!*

Генерал Келлер, Пантелеев, Иванов идут по Большой Владимирской. Сзади – офицер и сечевики. У Софиевского собора генерал останавливается, снимает папашу, крестится. Вся группа продолжает движение по запыленным снегом трамвайным путям мимо памятника Богдану Хмельницкому. Вдруг из сквера на противоположной стороне путей раздаётся ружейный залп почти в упор. Полковник Пантелеев падает.

ОФИЦЕР (сечевикам). *Стриляй їх, хлопци!*

Офицер стреляет в затылок генералу, тот падает во весь свой богатырский рост прямо перед памятником Хмельницкому. Раздается ещё несколько выстрелов. Падает раненый капитан Иванов. К нему подбегает 1-й сечевик и добивает четырьмя ударами штыка. 2-й

сечевик склоняется над генералом, пытаюсь стащить с его ног огромные сапоги. Те не поддаются.

2-й СЕЧЕВИК. *Чорт його бэры! Нэ хочэ виддаваты, гадюк!*
ОФИЦЕР. *Кынь йх до биса! Швыдшэ пидэмо!*

2-й сечевик неспешно идёт к саням. Камера показывает лежащего на животе генерала Келлера. Потом надвигается на памятник и высвечивает надпись на нём:
«Волимъ подь царя восточнаго, православнаго».

За кадром звучат стихи:

*Мерцало утро. След кровавый
Алел на снежном серебре...
Так умер витязь русской славы
С последней мыслью о Царе.¹*

СЦЕНА 5. ХАРЬКОВ. СТАРОМОСКОВСКАЯ УЛИЦА. Начало октября 1919-го года.

По широкой людной улице идёт АСТРОНОМ. Он в дорогом пальто, шляпе, с тросточкой в руке. Рядом с ним открывается дверь дома, и Астроном нос к носу сталкивается с СОКОЛОВЫМ (в фуражке и шинели с погонями подполковника).

Старомосковская улица в Харькове.

СОКОЛОВ. *Вот так фокус!*
(Разстёгивает кобуру.)

Здравия желаю, товарищ Яковлев. Или Млечин? Как вы теперь прозываетесь?

АСТРОНОМ (улыбается, приподнимая шляпу). *Действительный статский советник Кривцов, с вашего позволения.*

Соколов выхватывает револьвер и дважды стреляет вверх. Оборачиваются прохожие, подбегает ПАТРУЛЬ из четырёх юнкеров-корниловцев с винтовками за плечами.

1-й КОРНИЛОВЕЦ (отдавая честь). *Что случилось, господин подполковник?*

¹ П. Н. Шабельский-Борк «Витязь славы».

СОКОЛОВ (отдавая честь). *Подполковник Соколов, контрразведка. Вы поступаете в моё распоряжение.*

(Указывает на Астронома.)

Это – опаснейший агент красных, засланный к нам. Сейчас мы доставим его в разведывательное отделение штаба.

Астроном улыбается змеиной улыбкой и пристально смотрит на Соколова. Тот как бы вспоминает что-то, вынимает часы, бросает взгляд на них.

СОКОЛОВ. *Впрочем...*

(Ещё раз бросает взгляд на часы и обращается к корниловцам.)

Я, к сожалению, вызван к генералу Май-Маевскому и уже опаздываю. Отведите его сами. Это тут, недалеко.

2-й КОРНИЛОВЕЦ. *Мы знаем, господин подполковник.*

СОКОЛОВ. *Хорошо. Только будьте осторожны. Он на многое способен. Если что, стреляйте.*

1-й КОРНИЛОВЕЦ. *Слушаюсь, господин подполковник!*

СОКОЛОВ. *И там, скажите, чтобы глаз не спускали. Как только освобожусь, допрошу его.*

Патруль уводит Астронома. Соколов быстро идёт в другую сторону.

СЦЕНА 6. ОМСК. КАБИНЕТ АДМИРАЛА КОЛЧАКА.

Омск. Зрители на футбольном матче между командами британских офицеров.

Сидят (слева направо): М.А. ГРИШИНА-МИХАЙЛОВА, А.В. ТИМИРЁВА, адмирал КОЛЧАК. За его спиной стоит глава британской миссии на Востоке России генерал-майор Альфред НОКС. Рядом с ним (в центре фотографии) – тот самый полковник Павел Павлович РОДЗЯНКО, который в Екатеринбурге спас спаниеля Джоя.

АДМИРАЛ КОЛЧАК рассказывает по кабинету. ЕПИСКОП НЕСТОР встаёт с кресла.

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Вот так мне рассказал о последних днях графа Келлера один офицер...*

АДМИРАЛ КОЛЧАК. *Хоть похоронить его удалось?*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Мы отыскали тела всех троих в морге Анатомического театра. Отпел я их в Покровском монастыре, и упокоились они там же... Только под чужими именами, чтобы нехристи не поглумились...*

АДМИРАЛ КОЛЧАК. *Я получил телефонограмму: генерал Деникин взял Киев. Теперь отдадут должные почести героям...*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *А я ведь привёз вам, Александр Васильевич, послание от графа...*

АДМИРАЛ КОЛЧАК. *Как? Мы с ним не были знакомы.*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *И всё-таки...*

(Открывает чемоданчик и достаёт свёрток.)

Я проник к графу, когда он уже был под арестом. Последняя его воля – спасти штандарт Северной армии, которую он не успел возглавить.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. *Да, знаю. Там сейчас генерал Юденич.*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *К нему я не доберусь, мой путь – на восток. И так уж почитай весь мир объехал. Поэтому и вручаю этот штандарт вам. Воплотите то, чего не довелось сделать графу, водрузите знамя над Кремлём.*

АДМИРАЛ КОЛЧАК. *Ну, это, скорее, сделает генерал Деникин, ему ближе. А я и вверенная мне армия постараемся не опозорить штандарт графа.*

(Принимает и целует штандарт).

Он ведь был ярым монархистом?

ЕПИСКОП НЕСТОР. *В том-то и дело... Сейчас забыли, с каким лозунгом мы Наполеона победили: за Веру, Царя и Отечество! Троица! А из троицы ничего выкинуть нельзя!*

АДМИРАЛ КОЛЧАК. *До революции и я считал себя монархистом.*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Вот и вспомните бывшее. Дайте снова народу лозунг «За Веру, Царя и Отечество!» и народ пойдёт за вами.*

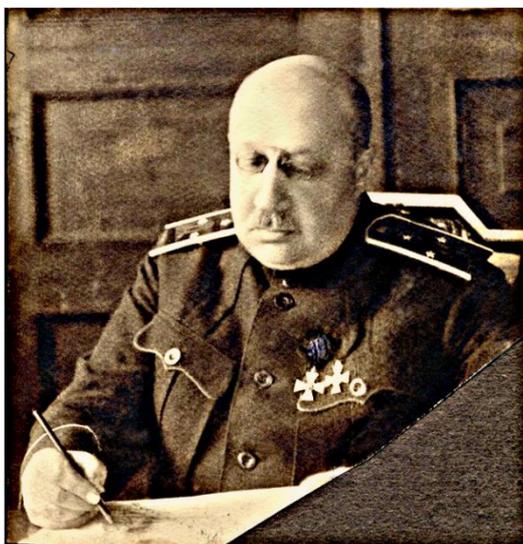
АДМИРАЛ КОЛЧАК (нервничает, режет ножом по сфинксу на ручке кресла). *Народ сейчас не тот...*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Тот, тот самый, Александр Васильевич! Вы думаете, что русскому народу нужны Учредительное собрание и республика?! Крестьяне и сейчас остаются инстинктивными монархистами.*

АДМИРАЛ КОЛЧАК (нервно). *Давайте, владыка, не будем о монархизме...*

СЦЕНА 7. ХАРЬКОВ, НИКОЛАЕВСКАЯ ПЛОЩАДЬ. ШТАБ КОМАНДУЮЩЕГО ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИЕЙ ГЕНЕРАЛА МАЙ-МАЕВСКОГО

Посреди зала стоит большой стол, заставленный бутылками и закусками. Во главе сидит ГЕНЕРАЛ МАЙ-МАЕВСКИЙ – человек небольшого роста, чрезвычайно тучный, с красным обрюзгшим лицом, отвислыми щеками и громадным носом-сливой, маленькими глазками, в пенсне, лицо гладко выбрито. Видно, что он вполне прилично выпил. Вокруг него расположились генералы и офицеры, среди них СОКОЛОВ. С бокалом встаёт один из офицеров.

Командующий Добровольческой армией генерал-лейтенант
Владимир Зенонович МАЙ-МАЕВСКИЙ (1867–1920).

Харьков. Дом Дворянского собрания, где в 1919-м году размещалась штаб-квартира командующего Добровольческой армией генерала Май-Маевского.

ОФИЦЕР. *Господа, предлагаю ещё раз выпить за взятие Орла и за нашего командующего генерал-лейтенанта Май-Маевского!*

ГЕНЕРАЛ МАЙ-МАЕВСКИЙ (не вставая, поднимает бокал). *Орёл – орлам!*

(Под крики «Ура!» все выпивают.)

Однако не будем забывать, господа, что орёл пойман только за хвост. У него сильные когти и крылья: как бы он от нас не улетел!

Май выпивает ещё бокал. К генералу подходит Соколов.

СОКОЛОВ. *Ваше превосходительство, мне совершенно необходимо идти. Только что задержан высокопоставленный большевик из Москвы. Надо срочно его допросить.*

ГЕНЕРАЛ МАЙ-МАЕВСКИЙ (смеясь). *А, может, лучше сразу разстрелять эту сволочь?*

СОКОЛОВ. *Ни в коем случае. Необходимо узнать, с чем он к нам прибыл.*

ГЕНЕРАЛ МАЙ-МАЕВСКИЙ (утирая пот с лица и шеи носовым платком). *Ну, хорошо, хорошо. Только зачем же идти самому? Оставьте с нами, подполковник. А вашего большевика преспокойно доставит сюда мой адъютант. Вместе и посмотрим, что это за зверь такой.*

(Кричит в приоткрытую дверь зала.)

Капитан Макаров! Павел Васильевич!

В зал входит молодой офицер в мундире (с аксельбантами) капитана 1-го Дроздовского полка. Соколов пристально разсматривает его.

МАКАРОВ. *Слушаю, Владимир Зенонович.*

ГЕНЕРАЛ МАЙ-МАЕВСКИЙ. *Вот что, Павел Васильевич, возьмите-ка конвой и доставьте нам из контрразведки...*

(Соколову.)

Как там зовут вашего большевика?

СОКОЛОВ. *Назвался действительным статским советником Кривцовым.*

ГЕНЕРАЛ МАЙ-МАЕВСКИЙ (Макарову). *Вот-вот, его.*

МАКАРОВ. *Слушаюсь, Владимир Зенонович.*

СОКОЛОВ. *Ваше превосходительство, разрешите мне составить компанию капитану.*

ГЕНЕРАЛ МАЙ-МАЕВСКИЙ (смеётся). *А что, наша компания вас не устраивает?*

МАКАРОВ. *Не извольте беспокоиться, подполковник, доставлю вашего шпиона в целости и сохранности.*

(Чуть заметно улыбается.)

Кроме того, я возьму конвой – так что места свободного в автомобиле не будет. Не идти же вам пешком?

Соколов отходит, нервно теребя усы. Макаров удаляется. Слышно, что он по телефону вызывает конвой.

СЦЕНА 8. ОМСК. КАБИНЕТ АДМИРАЛА КОЛЧАКА.

ЕПИСКОП НЕСТОР встает, собираясь уходить. АДМИРАЛ КОЛЧАК тоже поднимается и прощается.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. *Безмерно благодарен, владыка, что вы согласились стать духовником и проповедником в казачьих войсках. Единственная наша надежда – это наша святая Церковь. Необходимо поднимать в войсках боевой дух защиты Православия и Отечества.*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Не могу отказать от вашего предложения, адмирал.*

АДМИРАЛ КОЛЧАК. *Я уже говорил с владыкой Сильвестром, он даст вам в помощь священников, а я выделю вагон-церковь и особый штат.*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Готов приступить к служению.*

(После небольшой паузы.)

И у меня, адмирал, к вам одна просьба. Со мной во всех поездках был молодой человек, сын моего друга. Мне сказали, что его задержал ваш Конвой, по мобилизации что ли... Так нельзя ли его разыскать и отпустить?

АДМИРАЛ КОЛЧАК. *Странно... Ну, если это действительно Конвой, то мы дело уладим быстро. Как зовут вашего протеже?*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Фёдор Петрович Архангельский.*

АДМИРАЛ КОЛЧАК (подходя к столу и записывая на листке). *Я непременно свяжусь с полковником Удинцевым и всё выясню. Только мой Конвой не занимается ни мобилизий, ни арестами... Боюсь, как бы это не было чьим-то самоуправством. Слышал, что конвойными представляются вербовщики атамана Анненкова. С ним вообще нет сладу... В любом случае, сделаю всё, что могу.*

Епископ благословляет адмирала и выходит.

СЦЕНА 9. ХАРЬКОВ. РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ШТАБА ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ВСЮР.

Из здания выходит АДЪЮТАНТ МАКАРОВ, следом ЧЕТВЕРО КОНВОЙНЫХ сопровождают АСТРОНОМА; направляются к ожидающим их автомобилям. Макаров, Астроном и ПРАПОРЩИК садятся в «Паккард» с добровольческим и георгиевским флагами, остальные трое – во вторую машину. Автомобили трогаются. Через какое-то время «Паккард» начинает сильно вилять по дороге. Конвойный из второй машины высовывается в окно, пытаясь понять, что происходит. Движение «Паккарда» выпрямляется, но он внезапно начинает набирать скорость, отрываясь от заднего автомобиля.

КОНВОЙНЫЙ ЗАДНЕЙ МАШИНЫ (шофёру). *Давай! За ними! Гони, гони!*

Начинается погоня. «Паккард» резко сворачивает в переулок, который вторая машина проскакивает. Она пытается развернуться, но мотор глохнет.

Автомобиль фирмы «Packard», модель 1916-го года.

СЦЕНА 10. ХАРЬКОВ. КАБИНА АВТОМОБИЛЯ «ПАККАРД»

«Паккард» идёт на большой скорости. За рулём капитан МАКАРОВ, рядом с ним сидит АСТРОНОМ. На заднем сидении видно окровавленное тело ПРАПОРЩИКА.

АСТРОНОМ. *Как ты узнал, что я арестован?*

МАКАРОВ. *Контрразведчик, дурак, при мне проболтался. Назвал фамилию «Кривцов», а вы со мной под ней уже встречались. Я сразу всё и понял. Еле отделался от этого штика. Прилип ко мне, как банный лист к жопе.*

АСТРОНОМ. *Будешь уходить?*

МАКАРОВ. *Нет, мы ещё здесь повоюем. Куда же генерал Май-Маевский без меня? Кто ему будет водку доставать, как не я?*

(Останавливает машину.)

Оглушите меня, только совсем мозги не вышибите.

АСТРОНОМ. *Постараюсь. Мозги твои, Павел, нам очень нужны.*

МАКАРОВ. *Мне тоже...*

(Указывает направо.)

Оттуда уже можно легко до наших добраться, товарищ Кривцов.

(Достаёт из полевой сумки большой пакет, перевязанный шпагатом, и протягивает Астроному.)

Вот, всё, что успел прихватить. Тут план продвижения войск белых, дислокация и состав полков, копии кое-каких телеграмм. Да, ещё бланки удостоверений с печатями и подписями.

АСТРОНОМ (пожимая руку Макарову). *Молодец, Павел, просто молодчина! Я за этим сюда и приехал. Не сомневайся, твои документы спасут Советскую республику, а ты станешь её героем!*

МАКАРОВ. *Спасибо на добром слове...*

(Протягивает Астроному наган.)

А теперь бейте меня да идите быстрее. Машину здесь бросьте. Они поймут, что уже не найти вас.

Астроном бьет Макарова рукоятью нагана по голове. Тот падает набок на сиденье, по щеке стекает струйка крови. Астроном прячет пакет и наган за пазуху, выходит из машины, быстро удаляется.

2-й справа – личный адъютант генерала Май-Маевского капитан Павел Васильевич МАКАРОВ (1897–1970) в форме 1-го Дроздовского полка.

СЦЕНА 11. МОСКОВСКИЙ КРЕМЛЬ. СОВЕТНАРОДНЫХ КОМИССАРОВ. КАБИНЕТ ЛЕНИНА. Через неделю – 8-е октября 1919-го года.

За столом сидит ЛЕНИН, пишет. Стук в дверь.

ЛЕНИН (отрываясь от бумаг). *Да, да, войдите.*

Входит АСТРОНОМ с телеграфной лентой в руке.

АСТРОНОМ. *Владимир Ильич, извините, что побеспокоил вас, но не удержался. Прямо при мне получена телеграмма, посмотрите.*

Передаёт телеграфную ленту, Ленин читает.

ЛЕНИН. *«Москва. Ленину. Привет из Орла. У города теперь советское лицо. Орджоникидзе».*

(Ещё раз прочитывает про себя.)

Спасибо за известие! Это важно, архиважно!

АСТРОНОМ. *Это не архиважно, это – наша победа!*

ЛЕНИН. *Ну, допустим, ещё не победа.*

АСТРОНОМ (жёстко, отчеканивая каждое слово). *Я сказал – победа.*

Ленин удивлённо смотрит на него, нервно подёргивая бородку. Потом говорит после некоторой паузы.

ЛЕНИН. *Не будем спорить, дорогой Астроном... В любом случае ваш вклад неоценим. Если бы не эти документы, мы с Орлом за неделю бы не справились. А может быть... Ну, да что теперь говорить... Кстати, как вам удалось заполучить такого ценного агента?*

АСТРОНОМ. *Так сложилось... На самом деле, он авантюрист и мерзавец.*

ЛЕНИН. *Что ж, мы не пансион для благородных девиц. Нельзя к оценке наших работников подходить с узенькой меркой мещанской морали. Иной мерзавец может быть*

для нас именно тем полезен, что он мерзавец. У нас хозяйство большое, а в большом хозяйстве всякая дрянь пригодится.

(Приобнимает Астронома за плечи.)

АСТРОНОМ (холодно). *Извините, Владимир Ильич, мне надо идти – срочные дела. Я только хотел сообщить радостную весть.*

ЛЕНИН. *Идите, идите, батенька.*

(Смеётся.)

Может быть, вы к господам Колчаку и Юденичу тоже наведаетесь и принесёте от них такие же благие вести, как и от господина Деникина?

Пожимают друг другу руки. Астроном уходит. Ленин с озабоченным смотрит ему вслед, подёргивая бородку.

СЦЕНА 12. СЕЛО В СЕМИРЕЧЬЕ.

С последних событий прошло более месяца – ноябрь 1919-го года.

Заснеженная сельская улица. Между двумя домами – обгоревшим и целым – стоит ГРУППА СЕМИРЕЧЕНСКИХ КАЗАКОВ с завязанными назад руками. Они в шинелях без погон, шароварах с лампасами; кто-то в папахах, кто-то в фуражках. Мимо идёт РОТМИСТР партизанского полка «Чёрных гусар» атамана Анненкова. На нём чёрная гимнастерка с гусарскими узлами на рукавах, чёрные чакчиры с золотыми лампасами, чёрная фуражка. На фуражке нашита кокарда в виде «мёртвой головы». Такое же изображение на голенище сапог и на левом рукаве в вершине угла из черно-красной ленты. На правом рукаве четыре чёрных угла. У пояса с левой стороны пристёгнута шашка. Ротмистр презрительно осматривает сгрудившихся казаков, подходит к дому и кричит в дверь.

Ротмистр и полковник полка Чёрных гусар Анненковской дивизии в летней форме, 1918 - 1920 гг.

РОТМИСТР. *Семиглазов, Джарлаев, Архангельский, Пикулик – выходи с оружием!*

В дверях дома, по одному, появляются четыре «чёрных гусара» (одеты так же, как и ротмистр, только без углов на правом рукаве). Среди них ФЁДОР.

1-й ГУСАР. *Куды нас?*

РОТМИСТР (кивает на казаков). *А вот сюды – товарищэй до байрака прогуляем, шоб не бунтовали.*

КАЗАК. *Мы не «товарищэй» и не бунтуем. Мы безобразиев не желаем, насильниченья не хотим.*

РОТМИСТР. *Поговори мне ещё, сволочь.*

ФЁДОР. *И что мы с ними в байраке делать будем?*

РОТМИСТР. *А там и поглядим: может, постреляем, а может, и порубим.*

Слева от них появляется ГЕНЕРАЛ АННЕНКОВ, медленно приближается к группе (видят его только казаки). На нём та же форма «чёрных гусар», только на гимнастёрке – генеральские погоны и Георгиевский крест слева. Анненков останавливается на некотором расстоянии ото всей группы.

Генерал-майор Борис Владимирович АННЕНКОВ
(1889–1927, разстрелян).

ФЁДОР. *Я не буду этого делать, я не палач.*

РОТМИСТР. *А мне наплевать на твоё неудовольствие. Приказ есть приказ.*

ФЁДОР. *Вот из-за таких, как вы, ротмистр, мы и терпим поражение за поражением. Впрочем, не в вас именно дело... Никто из наших генералов и атаманов...*

Генерал Анненков приближается к ним. Ротмистр вытягивается, отдаёт честь.

АННЕНКОВ (указывая на Фёдора). *Кто таков?*

РОТМИСТР. *Мобилизованный Архангельский, гражданский. Наши в Омске изловили и сюда приволокли.*

АННЕНКОВ. *Мобилизованный...*
(Фёдору)

Знаешь, кто я?

ФЁДОР. *Так точно: генерал-майор Анненков.*

АННЕНКОВ. *То-то. И что ты, брат, про генералов тут рассказывал? Не бойся, не бойся, не съем. Говори.*

ФЁДОР. *Я и не боюсь.*

РОТМИСТР (тихо). *Ишь, храбрый портняжка!*

ФЁДОР. *Мы вот так доразстреливаемся до полного поражения. Вместо того, чтобы повернуть народ – крестьян, казаков – в нашу сторону, мы применяем силу. Не хотим снизить до понимания нужд крестьян в крестьянской стране.*

АННЕНКОВ. *Ишь, оратор!*

(Мягко, вкрадчиво.)

Ты пойми, брат: борьба идёт жёстокая, упорная, беспощадная. Ни мы, ни они не щадим своих противников.

ФЁДОР. *Я просто хотел сказать, что никто из наших генералов не смог сплотить народ, объединиться с многомиллионными крестьянскими восстаниями против большевиков.*

АННЕНКОВ. *А ты, брат, часом, не большевицкий ли агитатор?*

ФЁДОР. *Нет, не большевик. Я белый доброволец, ранен в Ледяном походе генерала Корнилова. И как белый доброволец, хочу сказать, что сейчас вы разстреливаете не только этих казачков, вы разстреливаете нас и нашу победу!*

АННЕНКОВ. *Ну вот и славно. Хочешь объединиться с народом, брат? Что ж, я не возражаю.*

(Ротмистру.)

Разстрелять добровольца вместе с этой шпаной и голодранцами.

«Чёрные гусары» разоружают Фёдора, ставят к казакам. Издалека слышен конский топот.

СЦЕНА 13. ЧИТА. ПОКРОВСКИЙ МОНАСТЫРЬ. Ноябрь 1919-го года.

ЕПИСКОП НЕСТОР совершает литургию. Во время Малого входа все священнослужители выходят из алтаря на середину храма с Евангелием, свечами, дикирием, трикирием, рипидами. Епископ Нестор стоит посередине храма на приготовленном для него возвышении. Камера показывает со стороны епископа Нестора (как бы его глазами): из левого придела появляется женщина. Её видно сначала смутно, а потом всё чётче, и чётче. Становится ясно, что это – ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ЕЛИСАВЕТА ФЁДОРОВНА. Она молится пред алтарем, подходит к епископу.

Рака с мощами святой Елизаветы
в храме великомученицы Марии Магдалины в Гефсимании.

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Елисавета Фёдоровна? Вы живы?*

ЕЛИСАВЕТА ФЁДОРОВНА. *Вот, мы и встретились, владыка, и ещё встретимся... Господь, Который наказывает, есть тот же Господь, Который и любит. Святая Россия не может погибнуть!*

Елисавета Фёдоровна благословляет епископа. Тот – её. Камера показывает со стороны других священнослужителей: они видят, что епископ Нестор благословляет пустое место. Все переглядываются.

ИГУМЕН СЕРАФИМ (шепчет). *Владыка, Малый вход!*

Епископ Нестор ничего не слышит: радостный, сияющий, он входит в алтарь.

Покровский (Богородицкий) женский монастырь в Чите.

СЦЕНА 14. СЕЛО В СЕМИРЕЧЬЕ

РОТМИСТР и «чёрные гусары» окружают группу казаков, среди которых ФЁДОР. Рядом – ГЕНЕРАЛ АННЕНКОВ. Слышится цокот копыт. Анненков прикладывает ладонь к глазам, вглядывается. К ним приближается всадник в английской шинели с погонями прапорщика и винтовкой на плече.

РОТМИСТР (Анненкову, указывая на казаков). *Господин атаман, этих до байрака отвести али тут, за домком, успокоить?*

АННЕНКОВ (вглядываясь во всадника). *Погоди ты...*

Всадник спешивается, привязывает лошадь. Фёдор всматривается в него и узнаёт своего бывшего однокурсника СЕРГЕЯ БЕЗДЕТНОГО, которого считал убитым в боях у Никитских ворот в октябре 17-го. Фёдор крестится. Сергей подходит к Анненкову, отдаёт честь.

БЕЗДЕТНЫЙ. *Прапорщик Бездетный. Здравия желаю, ваше превосходительство.*

(Достаёт из полевой сумки пакет и протягивает Анненкову.)

От Верховного правителя России адмирала Колчака.

АННЕНКОВ (беря пакет). *Чего ему ещё? Небось, опять подкреплений просит? Уже давал. Сколько можно?*

БЕЗДЕТНЫЙ. *Не могу знать, ваше превосходительство.*

Анненков разрывает пакет, достаёт лист и читает, поглаживая усики. Бездетный в это время разсматривает группу казаков. Взгляд его останавливается на Фёдоре. Лицо прапорщика вытягивается, но он тут же берёт себя в руки и отводит глаза.

АННЕНКОВ (прерывая чтения). *Я ж говорил! Пишет: дай ему партизан! Не дам!*
(Снова читает.)

Что? Омск сдал? Ну, теперь хана сибирскому войску! Не правитель, а горе луковое!
(Бездетному.)

Передай адмиралу, что подкреплений дать нет никакой возможности. Мои ребята не желают покидать насиженные места.

(После паузы.)

Да и никакие подкрепления ему теперь не помогут. Одно слово – хана. А мы здесь в Семиречье уж сами как-нибудь устроимся. Так и передай.

БЕЗДЕТНЫЙ. *Слушаюсь!*

(Указывая на Фёдора.)

Разрешите узнать, господин генерал, как фамилия, вон того гусара?

АННЕНКОВ. *А тебе зачем?*

БЕЗДЕТНЫЙ. *Кажется, я его узнал.*

АННЕНКОВ. *Узнал?*

(Ротмистру.)

Как ты говорил, зовут этого болтуна?

РОТМИСТР. *Архангельский.*

Партизаны атамана АННЕНКОВА (в центре в светлой гимнастёрке) .

Бездетный достаёт из полевой сумки сложенный вчетверо листок и протягивает Анненкову.

АННЕНКОВ (читает вслух). *«Предписание. Срочно разыскать и доставить Фёдора Архангельского (штатского), пропавшего без вести в Омске в октябре сего года. Адмирал Колчак».*

(Заканчивает чтение и возвращает бумагу Бездетному.)

Ну, вот и славно. Я его как раз разыскал. Теперь, вот, и шлёпну.

БЕЗДЕТНЫЙ. *Ваше превосходительство, Верховный правитель приказал задержанного к нему доставить.*

АННЕНКОВ. *А зачем я буду кому-то отдавать этого смутьяна? Он тут такого натрепал – на десять разстрелов хватит!*

(Хитро смотрит на Бездетного.)

Слушай, брат, а может, лучше я и тебя заодно шлёпну, раз уж вы знакомцы? Как думаешь?

БЕЗДЕТНЫЙ. *Не могу знать, ваше превосходительство.*

АННЕНКОВ (смеясь). *Ладно, шучу. Бери своего болтуна. И передай адмиралу, что просьбу его я выполнил: шлю мощное подкрепление.*

(Снова смеётся, указывая на Фёдора.)

Вот оно! Забирай!

БЕЗДЕТНЫЙ. *Разрешите идти?*

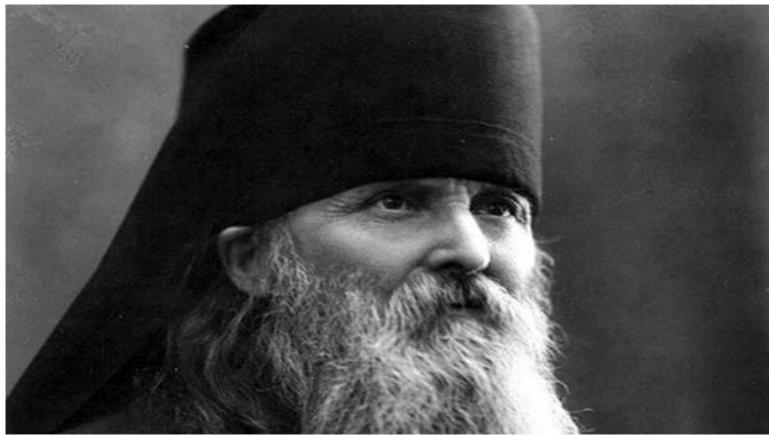
АННЕНКОВ. *Иди, брат, с Богом.*

Бездетный развязывает Фёдора, берёт свою лошадь под уздцы.

РОТМИСТР (Анненкову, указывая на казаков). *Так, значит, их-то куда девать?*

АННЕНКОВ. *Да никуда не девать, тут и порубите это дурачье, чтобы все видели, как бунтовать против атамана Анненкова.*

СЦЕНА 15. ЧИТА. ПОКРОВСКИЙ МОНАСТЫРЬ, КЕЛЬЯ ИГУМЕНА СЕРАФИМА.

Начальник Серафимо-Алексеевского скита

Белогорского Свято-Николаевского монастыря Пермской епархии

ИГУМЕН СЕРАФИМ (в миру Георгий Михайлович Кузнецов; 1873–1959) .

Ещё в 1906-м году иеромонах Серафим призывал «стоять за святую истину: за Веру, неограниченное Царское Самодержавие и Отечество до последней капли крови!». И всю последующую жизнь сам он следовал этому принципу. В Великую войну был военным священником. В 1914-м году скит посетила Великая княгиня Елизавета Фёдоровна, и игумен Серафим стал одним из её духовников. После революции игумен предлагал Елизавете Фёдоровне спрятать её на Урале. Великая княгиня не дала на это согласия, однако, на Урале всё-таки оказалась. Как известно, не по своей воле. Через два месяца после совершённого большевиками убийства тела Алапаевских мучеников (в том числе нетленное тело Елизаветы Фёдоровны) были обнаружены, когда белые заняли город, и помещены в склеп Свято-Троицкого собора. В связи с наступлением Красной армии в июне 1919-го по ходатайству игумена Серафима генерал М.К. Дитерихс получил от адмирала Колчака разрешение на перевозку гробов в Читу. Вагон с восемью гробами сопровождал игумен Серафим. По его воспоминаниям в пути стояла жара, «из щелей пяти гробов постоянно сочилась жидкость, распространявшая ужасный смрад... Жидкость же, вытекавшая из гроба Великой Княгини, благоухала, и они бережно собирали её как святыню в бутылочки». В Чите гробы поместили под полом кельи Покровского монастыря, в которой поселился игумен Серафим. Эпизод с явлением Елизаветы Фёдоровны епископу Нестору основан на воспоминаниях самого владыки. В 1920-м игумен Серафим с невероятными сложностями перевёз останки мучеников в Харбин, а потом в Пекин. В Харбине панихиду по убиенным отслужил епископ Нестор (на большевицком суде над ним это станет одним из пунктов обвинения). В январе 1921-го игумен Серафим доставил останки Елизаветы Фёдоровны и инокини Варвары в Иерусалим, где они и нашли окончательное упокоеие. Сам же игумен обрёл свой последний земной приют много позже на кладбище Елеонской горы.

Ночь. Маленькая келья едва освещена лампадой, тускло мерцающей в углу перед иконой. Вдоль стен, друг напротив друга, две койки. На одной из них лежит ЕПИСКОП

НЕСТОР. На краю другой сидит ИГУМЕН СЕРАФИМ. Он в длинной белой рубахе; видно худое, изможденное лицо, глаза закрыты.

ИГУМЕН СЕРАФИМ (шепчет). *Да, да, Ваше высочество, вы совершенно правы...*

Епископ Нестор вздрагивает, приподнимается на локте.

ЕПИСКОП НЕСТОР. *С кем ты сейчас говорил, отец?*

Игумен Серафим открывает глаза и недоуменно смотрит на епископа.

ИГУМЕН СЕРАФИМ. *Что?*

ЕПИСКОП НЕСТОР (вставая и расхаживая по келье). *Ты сейчас разговаривал с Великой княгиней Елисаветой Фёдоровной? Зачем же ты скрывал? Я ведь видел её живую! Она жива!*

ИГУМЕН СЕРАФИМ (плачет и крестится). *Какой там жива! Они сейчас прямо под нами.*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Как под нами?*

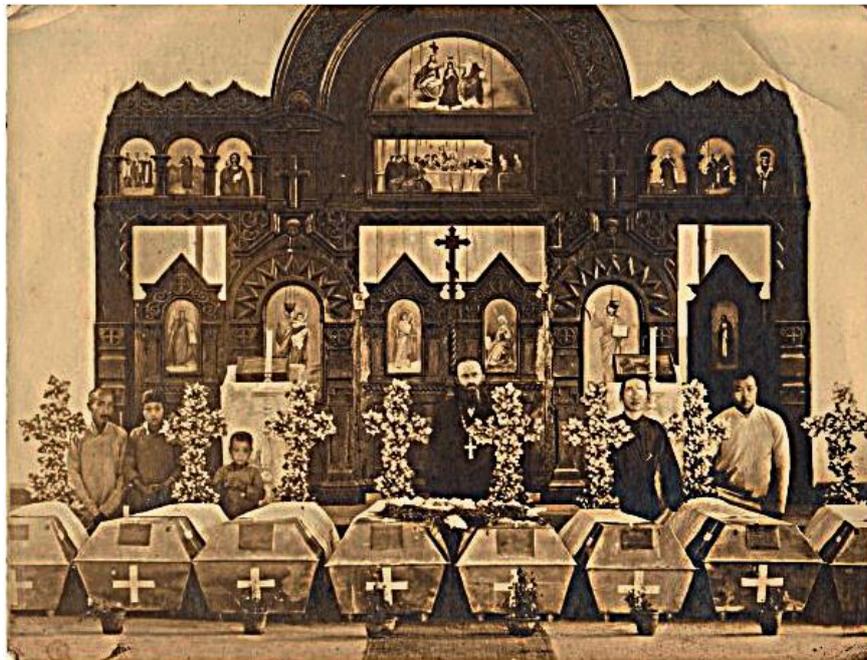
ИГУМЕН СЕРАФИМ. *Я ещё в августе привёз из Алапаевска восемь гробов с мучениками, которых убили изверги. Мы с послушниками выкопали склеп под этой кельей, поставили в ряд гробы и присыпали землёй всего на четверть. Так что мы сейчас прямо над ними и находимся.*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *А храм ведь – сверху, прямо над нами? Там она мне и явилась... Живая... И говорила...*

ИГУМЕН СЕРАФИМ. *И мне являлась, всю дорогу, сорок семь дней оберегала...*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Прославилась!*

Оба встают на колени и молятся у иконы.

Гробы с телами Алапаевских мучеников.
Пекин, кладбищенский храм Преподобного Серафима Саровского,
3-е апреля 1920-го года.

СЦЕНА 16. ПАРХОД «ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ КСЕНИЯ»,

ИДУЩИЙ ИЗ НОВОРОССИЙСКА В ЯЛТУ. Ноябрь 1919-го года.

Палуба парохода забита разного рода людьми. У леерного ограждения стоят ГЛЕБ и ИГНАТ. Пароход жутко качает.

ГЛЕБ. *Теперь точно знаю, что я не моряк. Мутит жутко.*

ИГНАТ. *А я говорил тебе, Глеб Петрович, что надо оставаться в Новороссийске, а шиио лучшее – в Харькове. А ты: Ялта, да Ялта. На кой она эта Ялта?*

ГЛЕБ. *Как в твоём Харькове Талочка рожать будет? Одна?.. А в Ялту, я ж тебе говорил, перебралась Костина мать, зовёт Талочку.*

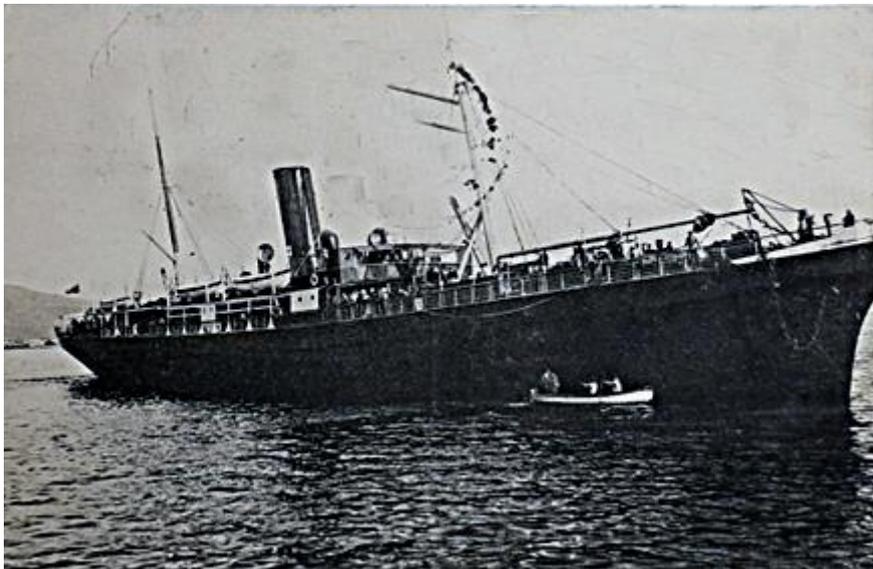
ИГНАТ. *Вот и болтаемся тут, и Наталью Васильну болтает.*

К ним подбегает МАТРОС.

МАТРОС (Глебу). *Ваше благородие, супружница вас зовут.*

ИГНАТ (крестясь). *Не приведи Господь...*

Оба в сопровождении матроса убегают.

Отход парохода «Великая княгиня Ксения» из Новороссийска.

СЦЕНА 17. СЕЛО В СЕМИРЕЧЬЕ.

По заснеженной сельской улице, минуя виднеющиеся там и здесь сгоревшие дома, идут ФЁДОР и БЕЗДЕТНЫЙ (ведёт за собой лошадь).

ФЁДОР. *Серёжка, ведь это чудо, настоящее чудо. Ты – живой. Ведь тебя же отпели... вместе с Павликом...*

БЕЗДЕТНЫЙ. *Чудо это то, что тебя, Архангельский, атаман сейчас не кокнул. Да и меня заодно... Погоди-ка...*

(Пауза.)

Что ты сказал про Павлика? Неужели?

ФЁДОР. *Шальная пуля на Остоженке...*

БЕЗДЕТНЫЙ. *Боже... А Софья? Как она, где?*

ФЁДОР. *Убита в конной атаке под Екатеринодаром...*

БЕЗДЕТНЫЙ. *И ты с ней там был?*

ФЁДОР. *Не будем об этом... Ты-то как воскрес? Серёжка!.. Хоть кто-то не туда, а оттуда.*

Бездетный замечает привязанную к плетню лошадь.

БЕЗДЕТНЫЙ. *Погоди-ка...*

(Отвязывает лошадь и даёт поводья Фёдору.)

Давай, прыгай и помчали.

ФЁДОР. *Она же чужая. Сейчас хозяева хватятся.*

БЕЗДЕТНЫЙ. *Это война, Архангельский. Ты ещё не понял? Здесь все, всё и у всех воруют. Прыгай, говорю!*

(Оба садятся на лошадей.)

Как я воскрес, спрашиваешь?

(Разбирает поводья.)

Тога на Никитском краснопузые за вами побежали, а меня бросили, думали – труп... Это ведь наш, Левицкий, в меня тогда стрелял, сволочь... А я труп-то был только наполовину... Две гимназисточки отважные к себе домой приволокли, выходили... Вот... Потом в чека попал... Сбежал. Тоже гимназисточка помогла.

ФЁДОР. *Господь спас! А я мучился всё это время, что ты из-за нас погиб... Хоть один грех с души снят... В Сибирь-то как занесло?*

БЕЗДЕТНЫЙ. *Долго рассказывать. Потом... А то атаман передумает и вправду шлёпнет.*

(Натягивает поводья.)

Меня ведь за тобой адмирал отправил. Его епископ Нестор просил. Вот и узнали, где ты. А я вызвался... Аж до Семиречья допёр. Помчали!

Пускают лошадей в галоп.

СЦЕНА 18. ПАРОХОД «ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ КСЕНИЯ».

В проходе между каютами сталкиваются идущие с разных сторон ГЛЕБ и ИГНАТ.

ГЛЕБ. *Никого не нашёл. А у тебя что?*

ИГНАТ. *А ничаво: ни доктора, ни фелишара, ни сестрички... Даже и тётеньки никакой не отыскал, какая бы взялась...*

К ним подходит МАТРОС.

МАТРОС. *Никто не жселяет, ваше благородие.*

ГЛЕБ (хватаясь за голову). *Кошмар!..*

ИГНАТ. *Не сокрушайся, Глеб Петрович. Бог не выдаст – свинья не съест. Сами как-нибудь управимся.*

ГЛЕБ. *Как это сами? Я, например, не знаю с какой стороны подойти.*

ИГНАТ. *Сторону-то найти – оно не хитрость.*

ГЛЕБ. *Ты что когда-нибудь принимал роды?*

ИГНАТ. *Роды – не роды, а на конюшнях при выжеребке много раз бывает приходилось.*

МАТРОС. *То лошадь, дядя, а то барыня.*

ИГНАТ. *Всё одно, пол-то у их единый.*

Из каюты, где лежит Талочка, выходит ЖЕНЩИНА.

ЖЕНЩИНА. *Нашли кого? Скоро начнётся. Я принимать не буду: боязно.*

ИГНАТ. *Боязно ей, вишь... Нашли, как не найти.*

(Матросу.)

Тащи сюда живо ведро горячей воды да фонарь, а лучшее два.

(Глебу.)

А ты, Глеб Петрович, ножик свой перочинный доставай. И к шашке твоей я на всяк случай пакет санитарный приклеил: марганцовка там есть.

(Женщине.)

А у тебя, тётя, шаль вон какая красивая, шёлковая. Вот ты мне ниточку из ней и выдергай – пуповину перевязать. Да тряпок чистых найди.

Из каюты раздаётся стон Талочки. Игнат, Глеб, женщина вбегают в каюту. Матрос быстро спускается вниз.

СЦЕНА 19. СЕЛО В СЕМИРЕЧЬЕ.

ФЁДОР и СЕРГЕЙ не спеша едут на лошадях.

Семиречье .

СЕРГЕЙ. *Слушай, Архангельский, а ты стишки всё ещё кропаешь? Ты ж у нас на факультете лучшим поэтом был. Прямо Блок... Хотя мне, по правде сказать, мало что нравилось.*

ФЁДОР. *Нет, сто лет не писал... Хотя именно сейчас, когда скакали пришли в голову несколько строк.*

СЕРГЕЙ. *Ну, давай, прочти.*

ФЁДОР (после небольшой паузы):

*Всё сорвано, скомкано, смято,
Течёт прохудившийся мех,
Мальчишки, студенты, солдаты
Подняты на щит и на смех.
Но снова летучее войско
Свои собирает полки:
Геройство – не подвиг,
но свойство
Запястья правой руки.²*

СЕРГЕЙ. *Ничего... Лучше, чем раньше. Тогда как-то квёло было, отвлечённо... А это – прямо про нас... «Мальчишки, студенты, солдаты подняты на щит и на смех...».*

² Г.А. Анищенко «Запястье правой руки».

(Смеётся, качая головой.)

Надо же, его чуть не кокнули, а он ещё стихи сочиняет. Ну погнали!

СЦЕНА 20. ПАРОХОД «ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ КСЕНИЯ».

В проходе между каютами нервно ходит ГЛЕБ. Из-за двери слышится голос Игната.

ИГНАТ. *Глеб Петрович, заходи!*

Глеб врывается в каюту и застывает на пороге. На кровати лежит измождённая ТАЛОЧКА, накрытая пледом. Около неё суетится ЖЕНЩИНА. Посредине каюты стоит ИГНАТ, в поднятых руках держит новорожденного, недоуменно смотрит на него.

ЖЕНЩИНА (подбегая к Игнату). *Не так, не так, дай его сюда.*

(Берёт новорожденного за ноги, трясёт, тот кричит.)

Вот как надо...

ИГНАТ. *Дура!.. Знала, как надо, и молчала.*

ЖЕНЩИНА. *Боязно...*

ИГНАТ (передавая ребёнку женщине). *Пеленай, тётенька.*

(Глебу.)

Принимай пополнение, Глеб Петрович!

ГЛЕБ. *Девочка?*

Талочка (едва слышно). *Павел...*

Камера показывает измученное, но сияющее лицо Талочки.

СЦЕНА 21. МОСКОВСКИЙ КРЕМЛЬ. СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ. КАБИНЕТ ЛЕНИНА.

С последних событий прошло более двух месяцев – 13-е января 1920-го года.

ЛЕНИН сидит за столом, держит в руках и читает телеграфную ленту. Перед ним три телефонных аппарата (один из них с диском – «вертушка»). Закончив чтение, снимает трубку одного телефонного аппарата без диска.

ЛЕНИН. *Барышня, соедините меня с товарищем Млечиным.*

(Пауза. Ленин снова просматривает телеграмму.)

Константин Алексеевич, зайдите ко мне. Да, да. Срочно! Бросайте все дела.

СЦЕНА 22. МОСКОВСКИЙ КРЕМЛЬ. СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ.

По кремлёвскому коридору идёт АСТРОНОМ (во френче, галифе, сапогах). Подходит к кабинету Ленина, стучится, заходит. ЛЕНИН встаёт из-за стола, обменивается рукопожатием с Астрономом, возвращается за стол.

ЛЕНИН (берёт телеграфную ленту и трясёт ей в воздухе). *Чёрт знает что! У этого Смирнова какая-то каша в голове! Пишет из Красноярска: то разстреливать Колчака, то не разстреливать Колчака, то везти его непонятно куда. Мне кажется, там никто не владеет ситуацией. Может быть, вы, батенька, нанесёте визит господину Колчаку, как когда-то Деникину, и разберётесь там по-революционному?*

АСТРОНОМ. *Владимир Ильич, в моей поездке нет никакого смысла. Пока я доберусь в эдакую даль, всё уже будет решено – так или иначе. Я читал в сводках, что на Иркутск наступают каппелевцы. Либо местные под этой угрозой сами убьют Колчака... Либо белые возьмут город и освободят его.*

ЛЕНИН. *Нет, нет и нет! Тысячу раз нет! Эту верховную сволочь выпустить из наших рук никак нельзя! Разстрелять или повесить! Сейчас же дам телеграмму Смирнову.*

АСТРОНОМ. *Думаю, что имеет смысл действовать по той же схеме, что и в Екатеринбурге: свалить всё на стихийное проявление народного гнева.*

ЛЕНИН. *Верно, верно, дорогой Астроном. Это вы остроумно применили. Мол, местная власть всё сделала, а мы – ни при чём. Я сейчас набросаю текст. Подождите минуту.*

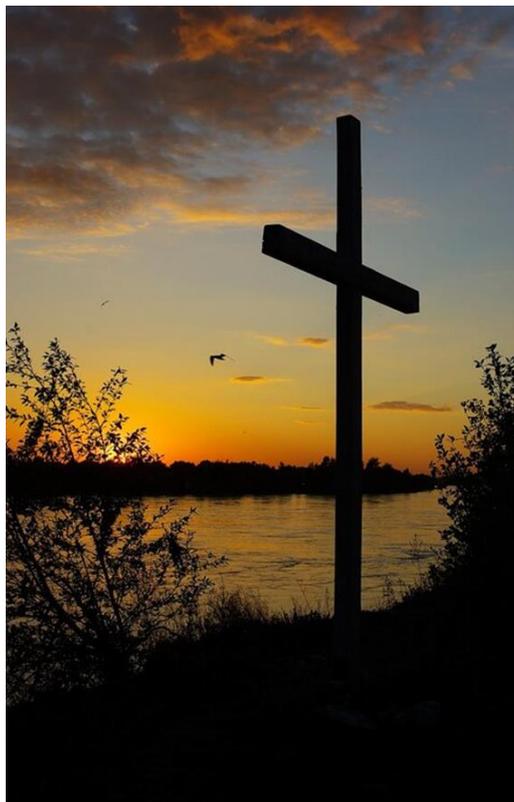
Ленин садится за стол, быстро пишет. Астроном стоит у окна, тихонько насвистывая мелодию Аппассионаты.

ЛЕНИН (заканчивая писать). *Вот, послушайте.*
(Читает.)

«Не распространяйте никаких вестей о Колчаке, не печатайте ровно ничего, а после занятия нами Иркутска пришлите строго официальную телеграмму с разъяснением, что местные власти до нашего прихода поступили так и так под влиянием угрозы Каппеля и опасности белогвардейских заговоров в Иркутске».

АСТРОНОМ. *Замечательно, Владимир Ильич.*

ЛЕНИН. *Вот и займитесь этим, батенька. Сделать всё необходимо архинадёжно, зашифровать и пусть кто-нибудь из руководства Реввоенсовета отправит. Строго секретно! И проследите за исполнением.*

Иркутск. Крест на предполагаемом месте разстрела адмирала Колчака.

СЦЕНА 23. СЕЛО В СЕВЕРНОЙ ТАВРИИ.

С последних событий прошло более четырёх месяцев – июнь 1920-го года.

Село утопает в зелени. На лавочке около мазанки сидят ГЛЕБ АРХАНГЕЛЬСКИЙ (у него уже второй Георгиевский крест, погоны ротмистра) и КОНСТАНТИН СОКОЛОВ, курят.

ГЛЕБ. *Павлик... Варечка...*

(Соколов бросает папиросу на землю, сгибается к коленям.)

Лучших убивают... Насколько же Россия станет хуже! Может, это вовсе и не Россия будет...

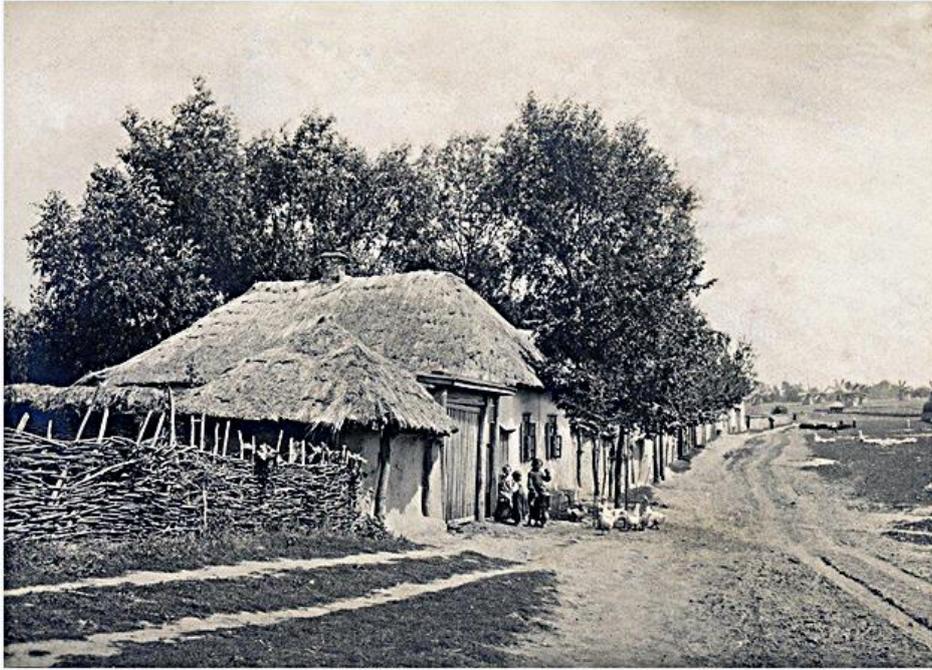
СОКОЛОВ (распрямляется). *Ладно, хватит! Опять развёл...*

(Снова закуривает, сломав несколько спичек.)

Я ведь и у матушки в Ялте побывал. Твоего Пал Глебыча впервые лицезрел.

(Показывает размер девятимесячного ребёнка.)

Во какой вымахал.

Хата-мазанка .

ГЛЕБ (вскакивая и расхаживая). *Ну же, рассказывай, рассказывай, как они там?*

СОКОЛОВ. *Да успокойся: все здоровы. Талочка в госпиталь устроилась, служит.*

Матушка с Пал Глебычем сидит. Все друг другом довольны. Купить из съестного кое-чего можно. Не голодают. Я и денег им привёз немного.

ГЛЕБ. *Слава Богу! Может, ранят, тогда к Талочке в госпиталь попрошусь.*

СОКОЛОВ. *Сплюнь, балбес. Красных побьём, вот и свидитесь.*

ГЛЕБ. *В этом случае, боюсь, сие будет очень не скоро... Ежели вообще когда-нибудь будет...*

СОКОЛОВ. *Опять сопли пошли...*

ГЛЕБ. *Ладно... Кость, ты-то где служишь, я не пойму? У нас наскоками появляешься: Фигарó здесь, Фигарó там.*

(Указывает на погоны Соколова.)

И чины идут. Может, в нашем, в Сумском?

СОКОЛОВ. *Всё тебе так и расскажи.*

ГЛЕБ. *Что за тайна? Чего ты скрываешь?*

СОКОЛОВ. *Ладно, не обижайся. Числюсь у вас, в Дроздовской, а службу прохожу в Особом отделении.*

ГЛЕБ. *Контрразведка?*

К мазанке подскакивает конный ДРОЗДОВЕЦ.

ДРОЗДОВЕЦ (Глебу). *Ваше благородие, командир полка вызывает.*

Дроздовец скачет дальше.

ГЛЕБ (вставая и оправляя мундир, обращается к Соколову). *Дождись меня обязательно, Костя. Не думаю, что это надолго.*

(Глеб заходит в дом и тут же возвращается, одевая через голову полевую сумку.)

Не прощаюсь.

Быстро уходит. Соколов остаётся на лавочке.

СЦЕНА 24. СЕЛО В СЕВЕРНОЙ ТАВРИИ.

СОКОЛОВ сидит на лавочке, чертит прутиком на земле гусарские вензеля. Появляется вахмистр (с винтовкой наперевес), конвоирующий КРАСНОАРМЕЙЦА (тот в руках держит помятую фуражку, с сорванной красной звездой, от которой осталась темная метина). Направляются к мазанке. Соколов вглядывается и узнаёт в вахмистре ИГНАТА.

СОКОЛОВ (вставая с лавочки). *Игнат, ты никак уже в вахмистра́ выслужился?*

Игнат вздрагивает. Оборачивается. Останавливается. Лицо расплывается в улыбке.

ИГНАТ (прикладывая руку к безкозырке). *Здравия желаю, ваше благородие! Константин Василч! Прибыли к нам!*

СОКОЛОВ (подходя и указывая на красноармейца). *А ты куда этого фрукта ведёшь? До витру?*

ИГНАТ. *Перебежчик красный, стало быть. Говорит, подавай ему командира. Вот я к Глеб Петровичу и направлялся. А де он?*

СОКОЛОВ. *В штаб вызвали. Давай, Игнатушка, пока я с этим товарищем поговорю.*

ИГНАТ. *Сделай милость, Константин Василч, надоело мне с им таскаться. Всё беспокоюсь, кабы не натворил чаво.*

СОКОЛОВ (красноармейцу). *Ну, пойдёмте в дом, товарищ большевик, побеседуем.*

КРАСНОАРМЕЕЦ. *Ваше благородие, да я же белый, я не большевик.*

СОКОЛОВ. *Разберёмся, во всё разберёмся.*

Соколов и красноармеец входят в мазанку. Игнат садится на лавочку, ставит винтовку рядом, достает из кармана газетку и кисет, начинает строить самокрутку.

Белогвардейцы отражают атаку красной кавалерии в Северной Таврии.

СЦЕНА 25. ТРОИЦКОЕ ПОДВОРЬЕ В МОСКВЕ.

По большому, старому, запущенному саду идут ПАТРИАРХ ТИХОН и ОТЕЦ ПЁТР. За ними бежит чёрный кот Цыган, к которому Святейший иногда наклоняется, поглаживает, а потом и берёт на руки.

ПАТРИАРХ ТИХОН. *Знаю, отец, всё знаю... Молюсь за рабу Божию Варвару... Мне владыка Никон писал... Говорит, она-то его и спасла, а не то забили бы изверги.*

ОТЕЦ ПЁТР. *Верую, что Варюшка тем и душу свою спасла.*

ПАТРИАРХ ТИХОН. *Господь всё видит.*

(Крестится.)

Остальные-то ваши как?

ОТЕЦ ПЁТР. *Сам знаю мало. Федя где-то на востоке с владыкой Нестором. Может, уже и не в России: Колчак разбит.*

ПАТРИАРХ ТИХОН. *А старшие?*

ОТЕЦ ПЁТР. *Одна Аннушка со мной... Глеб и Костя на юге воюют. Но и пополнение прибавилось. Дедом я стал: у Глеба и Наталии сын родился.*

ПАТРИАРХ ТИХОН. *Ну поздравляю, поздравляю! Как нарекли?*

ОТЕЦ ПЁТР. *Павлом.*

Патриарх обнимает и троекратно целует отца Петра.

ПАТРИАРХ ТИХОН. *Знаете что, отец, пойдёмте-ка в дом, чайку попьём. Мне тут одна бабушка такого варенья принесла...*

Патриарх и отец Пётр направляются к двухэтажному особняку.

СЦЕНА 26. СЕЛО В СЕВЕРНОЙ ТАВРИИ.

За столом сидит СОКОЛОВ, перед ним стоит КРАСНОАРМЕЕЦ (совсем юный, светловолосый, лицо бледное, тревожное). Входит ГЛЕБ, снимает полевую сумку, вешает на стенку.

Северная Таврия.

ГЛЕБ. *Вижу, контрразведка уже всю работу.*

СОКОЛОВ. *Тут, мне кажется, случай, не требующий вмешательства контрразведки.*
(Указывает на красноармейца.)

Кадет-доброволец. Красные захватили. Теперь к нам вернулся, сам пришёл.

ГЛЕБ. *Добрó, добрó. У нас таких баклажек много.*

(Красноармейцу.)

Как ваша фамилия, доброволец?

КРАСНОАРМЕЕЦ. *Ревский-Кочетов, Алексей, ваше благородие.*

Шея Глеба, вытягивается, глаза округляются.

ГЛЕБ. *Как?*

СЦЕНА 27. МОСКВА. ПЛАЦ ОКОЛО ЗДАНИЯ 1-ГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА.

Более двух с половиной лет назад – 26-е октября 1917-го года.

Воспроизводится фрагмент 26-й сцены 1-й серии:

ГЛЕБ и ТАЛОЧКА подходят к 1-му кадетскому корпусу. Кадеты строят баррикады, перегораживают улицы. Глеб обращается к одному из них.

ГЛЕБ. *Бог помочь!*

Кадет вытягивается и отдает честь.

КАДЕТ. *Кадет Ревский-Кочетов. Здравия желаю, господин поручик.*

ГЛЕБ (козыряя). *Кто у вас за старшего? Могу я его видеть?*

РЕВСКИЙ-КОЧЕТОВ. *Леонид Осич пошёл выставлять заставы и часовых в сторону парка. Давайте я провожу вас.*

ГЛЕБ. *Сделайте милость. Зовут-то вас как?*

РЕВСКИЙ-КОЧЕТОВ. *Алексей.*

ГЛЕБ (Талочке). *А ты горевала, что никогда в Кадетском парке не была. Вот нас Алексей на экскурсию и сводит. Теперь можно.*

ТАЛОЧКА. *Можно – что? Соблазнять?*

СЦЕНА 28. СЕЛО В СЕВЕРНОЙ ТАВРИИ.

ГЛЕБ почти вплотную подходит к КРАСНОАРМЕЙЦУ.

ГЛЕБ. *Ревский-Кочетов, говорите? А в каком кадетском корпусе обучались?*

КРАСНОАРМЕЕЦ. *В 1-м Московском.*

ГЛЕБ (оборачиваясь к Соколову). *Он лжёт. Я встречал и хорошо помню Алексея Ревского-Кочетова. Это – не он.*

Красноармеец с силой двумя руками толкает Глеба в грудь. Тот отлетает к столу, спотыкается, падает. Соколов вскакивает. Красноармеец в два прыжка оказывается у двери и выбегает.

СЦЕНА 29. КАБИНЕТ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА ТИХОНА НА ТРОИЦКОМ ПОДВОРЬЕ В МОСКВЕ.

Обстановка такая же, как в серии 4, сцене 2. На диване сидят ПАТРИАРХ ТИХОН и ОТЕЦ ПЁТР. Перед ними стоит маленький столик со стаканами, вазочкой и блюдами для варенья.

ПАТРИАРХ ТИХОН. *Я вот для чего вас вызвал, отец Пётр. Большевики со дня на день выпустят постановление о полной ликвидации всех мощей.*

ОТЕЦ ПЁТР. *Господи! Мало им вскрытий было! Что они и кому доказали? Атеизм свой насадили?*

ПАТРИАРХ ТИХОН. *Вы же понимаете, что никакие они не атеисты. Настоящий атеист утверждает, что Бога нет, и живёт себе спокойно. Разве он будет бороться с*

тем, чего нет? Разве станет обращать внимание на то, что, с его точки зрения, является предрасудком? Нет, большевики вовсе не атеисты. Они – верующие! Только веруют они в другое. Их портрет точно нарисовал апостол Пётр: «Супостат ваш диавол, яко лев, рыкая, ходит, ища, кого поглотити».

ОТЕЦ ПЁТР. Сами же говорят, что в раках лежат не мощи, а тряпки да куклы... Гражданская война идёт, всё везде разбито и разрушено. А выходит, им важнее куклами заниматься...

ПАТРИАРХ ТИХОН. Нет, отец Пётр, они не в куклы играют. И они вовсе не дураки. Диавол не глуп. Они понимают, что нельзя полностью подчинить народ, у которого в сердце осталась хоть искра веры в Бога.

ОТЕЦ ПЁТР. Так они уже практически подчинили народ.

ПАТРИАРХ ТИХОН. Это всё внешне, так сказать, физически, материально. А они хотят целиком человека поглотить. Не только с потрохами, но и с душой. Они изымают мощи, чтобы пресечь мистическое общение людей на земле со святыми на небе.

ОТЕЦ ПЁТР. Вы думаете, Ваше Святейшество, большевики это осознают?

ПАТРИАРХ ТИХОН. Не все... Может быть, меньшинство. Но такие, как Ульянов, думаю, прекрасно всё понимают.

ОТЕЦ ПЁТР. Да, да... Вы правы... Остальные кружатся возле вождей и слепнут в этом бесовском кружении... С одним таким моя Аннушка встречалась...

ПАТРИАРХ ТИХОН. Что вы, отец Пётр, варенья так и не попробовали? Поешьте, поешьте, замечательное варенье.

Патриарх берёт ложечку варенья, запивает чаем; отец Пётр следует его примеру.

СЦЕНА 30. СЕЛО В СЕВЕРНОЙ ТАВРИИ.

Около крыльца мазанки ИГНАТ поднимает за шиворот пытавшегося убежать КРАСНОАРМЕЙЦА (лоб его в крови).

ИГНАТ. Куда навострился, гадёныш?

(Заталкивает красноармейца в двери мазанки и сам входит вслед за ним.)

Получайте своего сопляка. Как же ты, Глеб Петрович, ядрёна-зелёна, его упустил?

ГЛЕБ. *А ты как поймал?*

ИГНАТ. *Прикладом, известно дело.*

СОКОЛОВ придвигает к столу табуретку и толкает на неё красноармейца.

СОКОЛОВ. *Говори, сукин сын, почему к нам перебежал. Кто ты такой?*

КРАСНОАРМЕЕЦ. *Я же сказал, что Ревский-Кочетов.*

ГЛЕБ. *Лжёшь, мерзавец!*

СОКОЛОВ. *Довольно вертеть вольнку, говори правду.*

КРАСНОАРМЕЕЦ. *Я Ревский-Кочетов, сказано, Ревский-Кочетов, кадет.*

Военачальники Русской армии, воевавшей в Северной Таврии:
слева - командир 1-го Армейского корпуса Русской армии генерал-лейтенант
А.П. КУТЕПОВ; справа - командир Дроздовской дивизии генерал-майор Антон
Васильевич ТУРКУЛ (1892-1957).

Соколов быстро подходит к нему и резко бьёт кулаком по лицу. Красноармеец падает вместе с табуреткой. Игнат поднимает табуретку, сажает на неё красноармейца. Тот утирает рукавом гимнастёрки кровь из носа.

ИГНАТ. *Может, ещё чуток добавить, Константин Василч?*

СОКОЛОВ. *Посмотрим, как дело пойдёт.*

(Обращается к красноармейцу, говорит спокойно, размеренно.)

Если не хочешь испытать худшего, брось валять дурака и говори дело. Теперь ты всё равно раскрыт. Или рассказывай сам, или придется выколачивать. Кто ты такой?

КРАСНОАРМЕЕЦ (поле паузы, тихо). *Разведчик штаба 13-й советской армии.*

СОКОЛОВ. *Зачем пожаловали к нам?*

КРАСНОАРМЕЕЦ. *Получил задание перебежать на фронте Дроздовской дивизии и предпринять действия по разложению полка.*

СОКОЛОВ. *Каким образом?*

КРАСНОАРМЕЕЦ. *У вас есть наши агенты.*

ГЛЕБ. *Кто, говори?*

СОКОЛОВ. *Погоди, Глеб, тут дело серьёзное. Надо отвести его в штаб полка. Вызови-ка своих орлов, пусть отконвоируют.*

ИГНАТ (ворчит). *Неужто сами не управимся...*

СОКОЛОВ. *Никто в тебе не сомневается, Игнат. Но больно шустрый мальчонка попался. С конвоем оно понадёжнее будет.*

ГЛЕБ (красноармейцу). *А где настоящий Ревский-Кочетов?*

(Красноармеец молчит.)

Не дури, всё равно придётся отвечать.

КРАСНОАРМЕЕЦ. *Служил такой кадетик у вас в Черноморском полку. Вы сами оставили его в тифозной горячке, во виах, в нетопленной хате. А мы нашли и выпытали всё.*

ГЛЕБ. *А потом?*

КРАСНОАРМЕЕЦ. *Что – потом? Понятно, шлепнули.*

ГЛЕБ. *Это ты, сволочь, пытал и убивал?*

КРАСНОАРМЕЕЦ. *Не, не я – чекисты. Я только рассказ его взял.*

ГЛЕБ. *То есть, уворовал чужую жизнь! Мальчишескую! Белую жизнь уворовал! Убью гадину!*

Глеб разстёгивает кобуру, но Соколов обхватывает его и удерживает.

Кадеты.

СЦЕНА 31. КАБИНЕТ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА ТИХОНА.

ПАТРИАРХ ТИХОН и ОТЕЦ ПЁТР по-прежнему сидят в кабинете.

ПАТРИАРХ ТИХОН. *Теперь давайте, отец, о деле поговорим. Где вы храните мощи Преподобного?*

ОТЕЦ ПЁТР. *В храме, в алтаре.*

ПАТРИАРХ ТИХОН. *Вот этого я и боюсь. Алтарь теперь – самое ненадёжное место. Придут изымать мощи – найдут. А спрятать надо так, чтоб не нашли.*

ОТЕЦ ПЁТР. *Спрячу, непременно спрячу. Они уже хранились в надёжном месте до того как вы, Ваше Святейшество, меня на нынешний приход определили.*

ПАТРИАРХ ТИХОН. *Помогай вам Господь. Положите сокровенно. Неизвестно, что дальше будет... Может, на этих мощах и Церковь Христову возродить придётся... Не нам – так внуку вашему. Не ему – так детям его.*

(Выпив глоток чая и вставая с дивана.)

Ну, отец, служба скоро начнётся, пойдём.

Патриарх и отец Пётр выходят из кабинета.

СЦЕНА 32. СЕЛО В СЕВЕРНОЙ ТАВРИИ.

В открытую дверь мазанки из накуренной комнаты выходит дым. На столе бутылка самогона, стаканы, ножи, открытая банка консервов, зелёный лук. СОКОЛОВ сидит с пустым стаканом в руке, ГЛЕБ нервно ходит по комнате.

ГЛЕБ. *«Вы на народ не опираетесь, и народ не с вами духовно и вам чуждый», – Достоевский как будто именно про нас писал. А мы всё не слышим.*

СОКОЛОВ. *А красные слышат? Они на народ опираются? У них – не народ, а серое Число, валом валящее «Всех Давишь»!*

ГЛЕБ. *Согласен, большевики силой или обманом гонят на нас бессмысленную громаду двуногих.*

СОКОЛОВ. *Для них существует лишь ползучее Число, человеческая икра! Им этой икры нисколько не жалко! Новую отыщут. А мы, белые, против безличного Числа всегда выставляем живую человеческую грудь, живое вдохновение, отдельные человеческие личности.*

ГЛЕБ. *Да, в этом наша сила, но в этом же – и наша страшная слабость.*

СОКОЛОВ. *Почему – слабость?*

ГЛЕБ. *Когда мы теряем хоть одного, даже самого хиленького добровольца, образуется брешь, дыра, пустота. Её просто нечем заполнить... Личности закончились... И тогда мы проводим насильственные мобилизации... Набираем ту же самую «икру», что и большевики. Теперь уже в наших собственных рядах Личность растворяются в Числе. Просто у красных это Число во много раз больше. Вот Оно и бёт нас.*

СОКОЛОВ. *И в чём, по-твоему, выход?*

ГЛЕБ. *Не знаю... Теперь не знаю... Мы не смогли с самого начала сформулировать объединяющую народную идею. Такую, чтобы народ шёл к нам не как икра, о которой ты говорил, выдавленная из российского брюха, а как одухотворённая сила. А теперь уже поздно...*

СОКОЛОВ. *Почему?*

ГЛЕБ. *Вся нация отравлена, яд проникает всюду.*

СОКОЛОВ. *И мы отравлены?*

ГЛЕБ. *И мы тоже...*

В дом заходит ИГНАТ.

ИГНАТ (Соколову). *Константин Василевич, за тобой автомобиль прибыл, иди.*

СОКОЛОВ (Глебу). *Ладно, философ, при новой встрече договорим.*

ГЛЕБ. *Если она только будет эта встреча.*

СОКОЛОВ. *Завёл шарманку... Ты и в прошлый раз каркал, а ведь свиделись же. И в Москве ещё попируем. Не размазывай сопли, гусар. А то плохо будет: смерть, она ведь своих видит. Держись! У тебя Пал Глебыч есть, Талочка... не то, что у меня...*

ГЛЕБ. *Костя...*

Глеб и Соколов обнимаются. Соколов надевает на плечо дорожную сумку, которую подаёт Игнат, направляется к двери.

СОКОЛОВ (оборачиваясь). *Я, может быть, тоже не особенно верю в успех Белого дела, но драться буду до последнего.*

Соколов и Игнат выходят. Глеб остаётся один, берёт стакан с самогонкой, но потом ставит обратно. Медленно расхаживает по комнате.

КОНЕЦ ДЕВЯТОЙ СЕРИИ